

Александр Лисин: Хотелось писать острее, конструктивнее и откровеннее

В преддверии 100-летия газеты «Вечерняя МОСКВА» продолжает цикл публикаций «Наш век».

Корреспондент «ВМ» пообщалась с Александром Ивановичем Лисиным, который был главным редактором газеты с 1988 по 1998 год. Он привнес перемены, которые вывели «Вечерку» на новый уровень, добился того, что в редакции появились первые компьютеры. А еще именно под его началом учредителем газеты стал коллектив.

Александр Лисин участвует в конкурсе на лучшую фотографию главного редактора столичного издания, «готовящего» газету / Фото: Из личного архива Александра Лисина

Захожу в квартиру к Александру Ивановичу и будто оказываюсь в огромной библиотеке. Книги стоят стройными рядами в шкафу,

лежат стопками на компьютерном и письменном столах. Даже на полу выстраиваются «башни» из толстых томов. Большинство из них – научная литература. Психология, история, социология... Кажется, что книги и есть настоящие хозяева квартиры, а люди лишь гости, которым когда-нибудь придется уйти. Садимся с Александром Ивановичем в кабинете. Я – на диван, а он – в кресло напротив. Комнату окутывает запах книг и абрикосов, которыми Лисин любезно угощает меня. И мы начинаем беседовать...

– Александр Иванович, свой путь в журналистику вы начали еще школьником. Это была мечта родом из детства?

– Да, об этой профессии я начал задумываться с малых лет. Пока учился в бердянской школе, писал стихи, печатался в местной газете. Помню, меня даже избрали в литобъединение. Там нужно было читать и анализировать письма поэтов, которые нам присылали, публиковать обзоры на них. Мне это хорошо удавалось. И я посчитал логичным стать если не поэтом и писателем, то журналистом. Когда пришло время определяться с поступлением, я рассуждал наивно. Дескать, в Москву поступать слишком амбициозно. Поэтому решил попробовать во Львовский университет на журфак. Но так как я до этого жил и учился в Архангельске, то на месте оценки в графе «украинский язык» в моем аттестате был прочерк. И меня не взяли. Хотя я ходил на уроки по украинскому языку и литературу изучал. Знал ее лучше, чем многие из тех, кто изначально учился в украинской школе.

– Но вы не сдались и все-таки решились поступать в Москве.

– Да, за это надо поблагодарить мою маму. Она настаивала, чтобы я попробовал поступить еще раз. Поэтому подал документы в Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Хорошо показал себя на экзаменах, и меня взяли. Помню свою первую практику.

Меня направили в газету рабочего поселка Черлак Омской области. В редакции был мотоцикл, мы на него садились, ехали в поля. Приедешь – а там пьяный тракторист спит. Рядом тарахтит

трактор. Снимали, возвращались в редакцию, у которой внизу была типография. И писали о том, что увидели. Сами набирали буквочки, складывая их в слова. Но самой знаковой стала практика в Архангельске. Я неплохо зарекомендовал себя на ней, и мне предложили остаться работать в городской газете. Я не был уверен: все же у меня оставался еще год учебы, защита диплома. Но редактор успокоил меня, что договорится обо всем, так как у него были знакомые в отделе пропаганды Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза (ЦК КПСС). Формально меня перевели на заочное отделение, но окончил я со своей группой.

Там, в Архангельске, я возглавлял несколько отделов, много куда ездил: и к лесорубам, и к оленеводам, и к морякам, и к рыбакам... Написал кучу очерков. Дослужился до заместителя главного редактора.

– А потом был переезд в Москву...

– Да, я решил поступить в аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС. И меня направили на работу в партийный аппарат. Поручили курировать научные издания. Я получал все газеты, журналы и книги, которые выходили в Советском Союзе.

– А с «Вечеркой» вы как познакомились?

– Ой, эта история похожа на маленький анекдот, если честно... Когда я был аспирантом в академии, меня взяли на подмогу в сектор газет отдела пропаганды аппарата ЦК КПСС. Поручили проанализировать какие-то издания. Мне досталась «Вечерняя Москва». Я был очень разочарован, написал разгромную рецензию, чем вызвал недовольство. Потому что «Вечерка» нравилась сектору ЦК КПСС. Да и в целом отношение к газете было похоже на обожание. Ее читали и любили многие и многие годы.

Александр Лисин участвует в конкурсе на лучшую фотографию главного редактора столичного издания, «готовящего» газету / Фото: Из личного архива Александра Лисина

– А что вас в ней не устроило? Какие у вас были основные жалобы?

– Примитивизм. Дело в том, что все содержание «Вечерней Москвы» умещалось на трех страницах, так как четвертую занимали реклама и объявления. И нехватка места диктовала размер материалов. Надо было рассказать о многом, поэтому был лимит на знаки. Но о каких проблемах можно было писать, ограничиваясь таким размером? Когда газетой руководил я, то одна публикация могла занимать половину страницы. В том числе печатали серьезные, аналитические материалы. А раньше этого не было. В этом и была моя основная претензия.

А жена моя, кстати, выписывала «Вечерку», потому что там было масса информации, которая показывала жизнь города. Печатали информацию о спектаклях, новости и общую повестку. Я даже говорил ей: «Да не подписывайся ты на газету». И однажды мы не продлили подписку. И в этот год меня и назначили главным редактором «Вечерней Москвы». Вот такая история.

– Как же так получилось, что вас назначили на эту должность?

– В конце января 1988 года на одном из заседаний член Политбюро Лев Зайков, воспользовавшись благоприятной обстановкой, талантливо разыграл заранее сочиненный им спектакль, чтобы заявить о себе: он долго и горестно жаловался генсеку ЦК КПСС Михаилу Горбачеву на бедственное положение столичной печати. Зайков, выполняя поручение партии, успешно очищает Москву от «порочных» ельцинских кадров, уже убрал с должности главного редактора «Московской правды» Михаила Полторанина, а в «Вечерке» умирает старейший и надежный главный редактор Семен Индурский. Так что обе газеты остались без руководства. А это был уже конец заседания, все устали, даже машинисток уже отпустили. Ну, Горбачев «подыграл» ему и сказал: «Кого назначит Центральный комитет, те и будут». Правда, даже бумаги не было, чтобы оформить решение. Тогда Горбачев вырвал из блокнота листик и ручкой нацарапал решение о назначении. Присутствующим членам Политбюро ничего иного не

оставалось, как оставить свои неразборчивые подписи на этом столь лихо сымпровизированном документе.

– А вам как сообщили эту новость?

– Тогда в ЦК КПСС я проработал 11 с лишним лет. Кстати, столько же я работал в архангельской газете, десять лет в «Вечерке»... Прямо как солнечные циклы. Это прямо какая-то закономерность моей жизни... Так вот, мой руководитель сектора, с которым у меня были приятельские отношения, вызвал меня к себе. Я на тот момент был консультантом, помогал готовить доклады для съездов. Он сказал, мол, поезжай к Зайкову, он тебя ждет. Я, конечно, попытался выведать причину неожиданного вызова. Но он сделал «грозное лицо» и сурово замахал на меня руками, не сдерживая, впрочем, и свою загадочную улыбку, и сказал: «Отстань от меня, Лисин! Отстань, Саша! Там сам все узнаешь».

– И вы не догадывались ни о чем?

– Знаете, обычно первые лица вызывали консультантов для написания своих наиболее ответственных речей и докладов. Я думал, что я еду за этим же. Прихожу к Зайкову, он пожал мне руку своей огромной ладонью, усадил в кресло возле антикварного чайного столика и несколько минут, прогуливаясь мимо меня, пространно рассуждал об общественно-политической роли печати, о задачах средств массовой информации и пропаганды в ходе перестройки. Затем вдруг остановился, пристально взгляделся в мое лицо и спросил: «Понятно?» Я машинально кивнул. Аудиенция закончилась. Ну, я направился к его помощнику и спросил, мол, ну что, куда речь писать надо и правильно ли я понял, что речь идет о роли печати.

А на меня смотрят удивленно и говорят: «Какая речь? Какая роль печати? Ты что, ничего не понял? Так, выходит, тебе ничего не сказали? Лисин Александр Иванович, ты назначен главным редактором газеты «Вечерняя Москва!» Я уточнил, есть ли у меня возможность подумать, но помощник рассмеялся и сказал,

что подумать можно, но решение секретариата ЦК уже состоялось.

– Помните свою первую встречу с коллективом?

– 11 февраля 1988 года я впервые подписал в печать номер «Вечерней Москвы» как 18-й по счету главный редактор. Накануне меня представили коллективу. Помню, с какой настороженностью встретили меня журналисты «Вечерки». Я был «тем из ЦК КПСС». Чтобы как-то обозначить себя, я выступил перед коллективом с речью, где затронул тезисно, как вижу нашу дальнейшую работу.

– И о чем вы говорили?

– О том, что при всех достоинствах газеты она существенно утратила черты политического органа печати. Это был главный недостаток «Вечерки». Конечно, она делала полезное дело – поддерживала определенный позитивный духовный тонус в городе. Но на тот момент этого было мало. Нужно было и о том, что удастся, писать более выпукло, ярко и о проблемах говорить откровеннее, острее и, конечно, конструктивнее. Казалось бы, газета пишет о многом, но при внимательном чтении можно было увидеть, что она и тематически, и географически весьма узка. Многие оставались за рамками газеты. А главное – с ее страниц выпадали сами москвичи с их радостями и драмами, открытиями и ошибками, сомнениями и надеждами. Мне казалось, что надо показывать, как в ходе перестройки меняются характер отношений людей, их привычки, нравы, ломаются стереотипы, предрассудки. Мне хотелось, чтобы «Вечерняя Москва» стала действительно современной газетой и делалась на базе, находящейся на самом острие научно-технического прогресса.

– И как на это отреагировали коллеги?

– Каким-то шестым чувством я ощутил, что мое выступление слегка растопило лед аудитории. Журналисты оживились, начали перешептываться... Помню, один из них спросил, «могут ли в «Вечерке» публиковаться материалы более 100 строк». Как я уже говорил, тогда было ограничение в объеме. Все притихли и с нескрываемым интересом уставились на меня. Я ответил, что

материалы оцениваются не по размеру, а по содержанию. Тот журналист закричал: «Ура!», многие стали хлопать в ладоши. Так в первый день своего редакторства я сорвал аплодисменты.

– С вашим появлением «Вечерка» начала меняться. Вы чувствовали этот порыв внутри себя или, может, поняли, что хотят читатели?

– Мое увлечение наукой тогда меняло внутреннее восприятие. И я понимал, что нужно сделать газету живой, честной и справедливой. Все шло к этому. Тогда, кстати, впервые приняли Закон о печати, который позволял перерегистрировать коллектив и установить издателя. До этого автоматически считалось, что все газеты издаются советами и партиями. А тут коллектив мог стать самостоятельным! Я это и сделал. Во многом это удалось благодаря моему «капээсэсному» прошлому. Тогда говорили: «Ну, Лисину мы верим, но в коллективе люди могут быть разные, и мы потеряем «Вечерку». Мы долго беседовали, но документ в конечном итоге был подписан. Так мы стали независимой народной газетой.

У нас каждую неделю выходили полосы писем трудящихся. Публиковали карикатуры. Представьте: близится юбилей Владимира Ленина. И мне приносят карикатуру, где он изображен в виде кошки, а члены правительства – мышки. Она, кстати, нравилась Ленину.

Но в то время было опасно критиковать власть. А мы публикуем такое в газете. Раньше прессу выпускали только с подписью от Главлита (Главного управления по делам литературы и издательств. – «ВМ»). И ко мне в кабинет прорываются цензоры с криками: «Ни в коем случае это печатать нельзя! Вас снимут!» Но мы, конечно, опубликовали все, как и планировали. А еще мы бесплатно оформляли людям подписку. Нам иногда приходили очень трогательные письма о том, что нас читают много лет, но сейчас из-за инфляции нет денег на это. И у нас бывали сложные времена. Первый номер нашей уже независимой газеты редакция выпустила с нулем на банковском счете.

– Но были ведь и приятные моменты?

– Да, помню, как редакция газеты «Московская правда» устроила необычный конкурс на лучшую (и забавную, и символическую) фотографию главных редакторов московских изданий.

Об этом меня известил с решительным видом вошедший в кабинет, вооруженный до зубов разнообразной фотоаппаратурой Сергей Трифонов. Я подумал, шутит. Обычные журналистские приколы. Оказалось, что нет. Ну что делать, за «Вечерку» надо постоять! Решили придумать что-то необычное. А «Московская правда» уже опубликовала свою работу: главный редактор «МП» Валерий Лысенко изображен полуголым, по пояс в воде. «Он тонет, что ли? Вместе с «Московской правдой»?..» – спросил я иронично Трифонова. И тут нас осенило. Все же наслышаны о «редакционной кухне» – муках творчества, о тайнах рождения номера... А кто в этом случае тогда главред? Главный повар, конечно.

И мы отправились на первый этаж, в рабочую столовую. Меня одели в белоснежный халат, нацепили на голову поварской колпак. Я взял в руки огромную кастрюлю, наполненную доверху нашим фирменным «блюдом» – свеженькой «Вечеркой»... И выиграли! Получили Гран-при.

– Расскажите, пожалуйста, про свою поездку в Афганистан. Вы же были главным редактором, что вас подтолкнуло поехать в горячую точку?

– Да, мне необязательно было ехать. Пришло письмо из Министерства иностранных дел, что нужно отправить корреспондентов осветить событие о выводе войск. Но все отказывались. У кого-то болел родственник, кто-то только стал отцом... И меня осенило. Я же могу поехать сам! Я тогда только вступил в эту должность и решил показать, что я могу не только требовать что-то от подчиненных, но и способен сделать то же самое. По возвращении я опубликовал несколько полос.

– Вы недавно отметили 80-летие. Чем сейчас занимаетесь? У вас такая большая библиотека. Это ваша отдушина?

– Да, только этим, можно сказать, и занимаюсь. Читаю и пишу, пишу и читаю. Когда я покинул редакцию, мне было морально тяжело. Спасла литература. Я написал две монографии. В начале 2000-х, где-то с 2005 года, участвовал в семинарах Научного совета по методологии искусственного интеллекта и когнитивных исследований при президиуме РАН. Есть много неопубликованных работ. Но, к сожалению, уже нет возможности. Сейчас я живу в доме, который, кстати, построил концерн «Вечерняя Москва» в 1996 году. С женой я в разводе. Есть племянник и племянница. Все с детьми. Иногда собираемся все вместе. Сейчас вся моя жизнь сводится к одному – к научной работе. Я получаю от этого удовольствие и внутреннюю поддержку. Только вот ходить стало сложнее. Но выручает доставка продуктов и лекарств. Надо за это сказать спасибо коронавирусу.

ДОСЬЕ

Александр Иванович Лисин родился 12 июля 1941 года в Хороле Полтавской области.

В 1958 году окончил среднюю школу № 2 в Бердянске. Работал два года на местном опытном нефтемаслозаводе, параллельно публикуя стихи в городской газете «За коммунизм». В 1960 году поступил на факультет журналистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. За год до окончания учебы начал постоянно работать литературным сотрудником областной газеты «Правда Севера» в Архангельске. Был спецкором, заведовал рядом отделов редакции, а затем стал заместителем главного редактора. С мая 1976-го по февраль 1988 года работал инструктором, а затем консультантом сектора журналов Отдела пропаганды ЦК КПСС. После стал главным редактором «Вечерки». Проработал в газете до 1998 года. Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Юлия Панова